

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

КСЕНИЯ ГЕОРГИАДИ:

**«ПЕТЬ ИСКРЕННО,
ОТ ВСЕЙ ДУШИ»**

Наша встреча с Ксенией Георгиади состоялась за кулисами кишиневского Дворца «Октомврие», где Центральное и Молдавское телевидение снимали IV Всесоюзный телевизионный конкурс молодых исполнителей «С песней по жизни». Лауреат предыдущих конкурсов «С песней по жизни» Ксения Георгиади выступала в качестве ведущей и почетной гостьи программы.

— Ксения, мы познакомились с Вами в новой роли — ведущей телеконкурса «С песней по жизни». Как был сделан шаг от участницы до хозяйки программы!

— О, это была случайность. Меня пригласили участвовать в конкурсе, проводившемся в Кишине, в качестве гостьи, там были какие-то неувязки с ведущими. Тогда я взяла да и предложила себя — полусутья. Но на телевидении все делается серьезно. За мое предложение ухватились, вот я и оказалась в положении хозяйки.

— А что было до этого! Как Вы вышли на эстраду!

— Я родилась и выросла под Гаграми, в небольшом поселке Гантиади, семья моя никакого отношения к искусству не имела: папа был рабочим, мама — оптиком. А я решила стать артисткой. Петь училась по старым пластинкам, слушая и повторяя голоса известных певцов.

Потом приехала в Москву, «срезалась» на втором туре экзаменов в театральное училище и поступила во Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства, где занималась у опытных артистов Георгия Павловича Виноградова и Леонида Семеновича Маслюкова.

Затем были годы учебы, поиска и труда. Я пела в Тамбов-

ской, Бакинской филармониях. Однажды на концерте ко мне подошла женщина. Представилась редактором музыкальной редакции ЦТ и предложила участвовать в телеконкурсе «С песней по жизни». Я растерялась, смутилась, но очень обрадовалась. И, конечно, согласилась.

— Чем Вы объясняете свою популярность!

— Для себя — тем, что не успокаиваюсь на достигнутом. А об остальном лучше спросить у зрителей.

— В молодежной среде утвердился нынче новый стереотип эстрадной дивы: немного эlegantности, немного шарма, немного развязанности, голоса — тоже немного. Как Вы относитесь к этому!

— Певец — это не только голос. Вот, скажем, Бернес совсем певческого голоса не имел. Но была у него неповторимая индивидуальность, тема своя, он был личностью и большим актером. И вписал лучшие страницы в историю советской эстрады.

Песня должна стать мини-спектаклем, должна стучаться в души зрителей, доходить до ума и сердца. А для этого одного только голоса мало. Как, впрочем, и всего того стереотипного набора, о котором вы говорите.

— Эстрадная мода коварна:

она уходит, унося за собой десятки имен и песен. Вы не боитесь, что когда-нибудь она унесет и Вас!

— Конечно, когда-нибудь унесет. Это жизнь, и дело тут не в моде вовсе. В ветрах моды я стараюсь услышать свою тему и вынести ее зрителю. А потом эта тема либо устареет, либо будет выражаться иными средствами.

— О чем прежде всего Вы хотите сказать со сцены!

— О том, что меня волнует. Я могу петь хорошо или плохо, удачно и не очень, но всегда — искренне, от всей души. Я хочу говорить с сердцами людей.

— Песня, о которой Вы мечтаете, — какая она!

— Сложно ответить. Вот я мечтала о песне, с которой я могла бы обратиться к людям с болью о нашей планете. Теперь такая песня у меня есть. Ее написал композитор Вячеслав Добрынин на стихи поэта Олега Милаевского. Называется она «Ах, если бы Земля умела говорить!..»

Новые песни я чувствую, но объяснить это ощущение трудно. Могу твердо сказать одно — я мечтаю о настоящих, истинно хороших песнях.

— А по каким критериям Вы их выбираете!

— Добиться предельного понимания со зрителем можно только предельной откровенностью и честностью. И песни должны быть такими: откровенными, честными и — красивыми.

— Раз уж Вы заговорили о зрителе... Какие зрительские аудитории Вам запомнились более всех! О каком зрителе Вы мечтаете!

— Я помню все аудитории. Все! И они все были прекрасны.

Насчет зрителя, о котором мечтаю. Не думайте, что я хочу в каждом увидеть себя. Знаете, несколько тысяч Георгиади — это даже опасно. Нравиться всем тоже не хочу, вернее, уверена, что так не бывает. Я ищу понимания. Подлинного общения.

— А что Вы делаете, когда чувствуете, что зритель Вас не понимает и не принимает!

— Ищу новый путь, новую трактовку. Обычно установить контакт со зрителем труднее всего за границей, когда тебя вроде бы слушают, но не слышат. Вот однажды на Кубе я дала сольный концерт. Пела очень мелодичную лирическую песню «Ты, а не другой», рассказывающую о любовных переживаниях женщины, ищущей свою единственную любовь.

Смотрю: первый куплет прослушали, а потом увяли — нет внимания. Представляете, с меня пот градом, я тут умереть готова — а они равнодушны!

Я с отчаянием поворачиваюсь к дирижеру оркестра, подхожу к нему сзади и пою — для него и о нем. Дирижер, конечно, и не догадывается, а зал присматривается: что же дальше? И вот я кладу руки ему на плечи, зал замирает.

Дирижер, бедный, испугался, вернуться-то не может и не ведает, что за спиной творится.

А я продолжаю играть любовь и обиду, зов и нежность, и у самой слезы текут. Песня кончилась, дирижер опускает руки и случайно — на мою ладонь. Повернулся и поцеловал ее. И так это получилось трепетно, ненамгранно, робко, что люди в зале заплакали. Языковой барьер — и тот не поме-

хой оказался. Песня прошла «на все сто».

— С какими композиторами Вы бы хотели сотрудничать!

— С хорошими и близкими мне по теме. Я активно сотрудничаю с Вячеславом Добрыниным, Юрием Саульским, Алексеем Мажуковым, хотелось бы встретиться в работе с Давидом Тухмановым, Максимом Дунаевским...

— Кто для Вас является образцом на эстраде! В жизни!

— На эстраде — Лиза Минелли и Барбара Стрейзанд, актрисы, между прочим. Мне близка их мажера певческого характера исполнения песни. С детства люблю Эллу Фицджеральд — прекрасную, талантливую, многогранную певицу.

На современной советской эстраде преклоняюсь перед Аллой Пугачевой, перед ее смелостью и трудоспособностью. Своими работами она как бы подхлестывает других певцов-эстрадников, всегда ищет и находит что-то новое, порой совершенно неожиданное.

В жизни... Наверное, это немного наивно, но — я бы хотела быть похожей на своего папу, который был трудолюбивым, честным, верным, красивым человеком. Это мой идеал.

— Кстати, мы все говорим об эстрадной певице Георгиади. А какая Вы в жизни! Ну, к примеру, есть ли у Вас хобби!

— Одна работа. В свободное время — то есть три-четыре раза в год — могу сесть за шитье. Но это непозволительная роскошь при моем дефиците времени.

Когда где-то в крохотных промежутках между гастролями поездиками я попадаю домой, люблю повозиться у плиты, заняться с сыном Славиком его такими взрослыми проблемами и заботами — ему уже двенадцать.

Конечно, все это удается редко, но что тут жаловаться — такова актерская жизнь!

— Ксения, давайте попробуем заглянуть в будущее. Какой Вы будете на эстраде завтра! Или какой постараетесь не быть!

— Развязной. Неискренней. Я хочу идти к своему зрителю — доброй, чуткой, внимательной и верной.

Вот мне иногда говорят друзья-исполнители: «Ну что петь во весь голос на каждом выступлении, голос беречь надо!» А зачем я его беречь буду, для кого? Если не дала зрителю все то, что дать могла, а значит, должна была дать, как смотреть ему в глаза?

Однажды после концерта в Хабаровске ко мне подошел мальчуган лет девяти-десяти. Он очень волновался, у него дрожал голос и он сказал: «Дорогая Ксения Георгиади! Я очень, очень благодарен Вам за то, что сейчас было. Я ничего не взял с собой, у меня ничего нет, но прошу Вас — возьмите вот это».

И он протянул мне на ладони маленькую монетку. Эта монета сейчас со мной, здесь.

Завтра она опять выйдет на эстрадные подмостки, рассмеется и заплачет, эта всегда юная певица с неуспокоенным озорным взглядом. В своей ладони она сжимает крохотную невесомую монетку, талисман зрительской любви. Вы попробуйте, она вам ее покажет.

Н. ЛЕБЕДЕВ,
студент факультета журналистики КГУ.
Фото А. Казанского.